

АРТЕЕВ Сергей Павлович — кандидат политических наук, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (117997, Россия, г. Москва, Профсоюзная ул., 23; artsp7@yandex.ru)

КОНСПИРОЛОГИЯ 2.0. ТЕОРИИ ЗАГОВОРА, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Часть I

Аннотация. В статье анализируется проблема теорий заговора (конспирологии), ее распространения и влияния на социально-политическую сферу в контексте цифровизации. Автор подробно останавливается на сущности конспирологии, ее опасности, предпосылках появления и механизмах продвижения конспирологических нарративов. Особое внимание уделяется тому, как цифровизация придала теориям заговора новый статус. Автор формулирует тенденции развития конспирологии в эпоху цифровизации. С точки зрения инструментализации конспирологии в целях политической борьбы анализируется кейс 45/47-го президента США Д. Трампа. Автор предлагает рекомендации по минимизации ущерба от теорий заговора для социально-политического развития общества.

Ключевые слова: теория заговора, конспирология, Трамп, США, социально-политическое развитие общества, цифровизация, массмедиа

Вступление

Цифровизация оказывает необратимое влияние на общество. Благодаря новым технологиям некоторые давно известные феномены приобретают новые свойства, «переизобретаются». Одно из таких явлений — теория заговора, или конспирология. Этот древний феномен, успешно переживший Возрождение и Просвещение с их культом рациональности и веры в человеческий разум, прочно встроился в информационное поле эпохи модерна. Однако конспирология с началом цифровизации стала демонстрировать тренд усиления своей роли в обществе, в т.ч. среди политических элит, что повышает риски для общества и международного сообщества. Конспирология оказывает негативное влияние на рецепцию реальности, приводит к стойкому искажению сознания, маскируемому под субъективный взгляд, который может казаться оригинальным и тем самым распространяться и приниматься в качестве достоверного знания, ориентира для практической деятельности. В результате мнимые вещи приводят к реальным небезобидным последствиям. А цена такой мнительности в беспокойном, тесно взаимосвязанном и сложном мире XXI в. слишком высока.

Несмотря на то что теории заговора стали неотъемлемой составляющей общественно-политического дискурса, часто отсутствует ясное понимание предмета по причине незнания дефиниции. В результате досадные ошибки встречаются даже в солидных массмедиа¹. Впрочем, и в академической среде единый подход не наблюдается, поэтому необходимо пояснить, что имеется

¹ Итоги первых дебатов между Трампом и Харрис. 11.09.2024. — BBC — Русская служба. Доступ: <https://www.bbc.com/russian/articles/cvqx2v7n0ego> (проверено 11.05.2025). Как следует из публикации, среди прочих тем, кандидаты в президенты США спорили о проблеме миграции. Трамп сказал, что *мигранты едят домашних кошек и собак*. Модераторы отметили, что местные власти опровергли эти слухи — характерно, что факт-чекинг стал неотъемлемой частью освещения речей и дебатов политиков в прессе. Журналисты BBC называют *этой ложный слух теорией заговора*, хотя это обычный фейк. Можно говорить о том, что в общественно-политическом дискурсе наблюдается тенденция к некорректному расширительному толкованию конспирологии.

в виду. *Теория заговора (конспирология)* – особый способ мышления и связанные с ним нарративы, основанные на интерпретации значимых масштабных событий или процессов как следствия тайного злонамеренного предварительного сговора группы лиц при отсутствии веских фактологических доказательств в пользу такой трактовки.

Современный конспирологический спектр отличается чрезвычайной широтой. Систематизация представляет сложность в силу того, что многие теории заговора переплетаются, соединяются между собой. Условно совокупность теорий заговора можно разделить на организационно-длительные (тайные организации, правящие миром, – масоны, иллиуминаты, Комитет 300, Трехсторонняя комиссия) и событийные (происхождение ВИЧ, гибель принцессы Дианы, теракты 9/11). Среди наиболее политически влиятельных конспирологических теорий следует выделить несколько больших направлений: тайные общества («мировое правительство», «новый мировой порядок»), политические убийства, рукотворные эпидемии и пандемии, тотальный цифровой контроль.

Научное обоснование опасности теорий заговора можно дать с помощью теоремы Томаса. Если не вдаваться в непростые академические дискуссии об интеллектуальном наследии этого американского социолога [Хаустов 2014; Бабич 2021], согласно теореме Томаса, ситуации, определяемые людьми как реальные, реальны по своим последствиям. В случае с конспирологической индоктринацией политических элит и экспертного сообщества это представляет серьезную угрозу не только для общества своей страны, но и всего международного сообщества, особенно в случае «конспирологического инфицирования» крупного в военно-политическом и экономическом отношении государства.

Теория заговора на практике приобретает разные формы и часто приводит к человеческим жертвам. Вот только некоторые кейсы. Конспирология – спутник массовых политических репрессий. Адольф Гитлер верил в тайный план евреев по захвату мира, следствием чего в Третьем рейхе проводилась политика государственного антисемитизма, наиболее жестоким проявлением которой стал Холокост. Движение антипрививочников, появившееся вместе с началом вакцинации в первой половине XIX в., к началу XXI в. охватило весь мир, в т.ч. Россию¹ (в которой в советский период в силу особенностей политического режима вакцинация носила обязательный характер). В результате в начале XXI в. в ряде стран вновь стали отмечать массовые вспышки, казалось бы, давно побежденных благодаря прививкам болезней – кори, коклюша, дифтерии. Недавняя пандемия *COVID-19* и вовсе превратила антиваксеров в политический фактор [Артеев 2022]. Всплеск экстремизма также связан с теориями заговора, в ряде случаев существует корреляция между верой в конспирологию и политическим насилием [Bartlett, Miller 2010].

Теории заговора известны столько, сколько существует человечество. Как минимум в V в. до н.э. современники с помощью конспирологии пытались объяснить политический процесс в Древних Афинах [Roisman 2006]. Теории заговора сопровождали Древний Рим на протяжении всей его истории. До сих пор ведутся споры о большом римском пожаре в 64 г. н.э. и роли в этом событии императора Нерона [Бразертон 2021: 22-25]. Средние века продолжили конспирологическую эстафету, а модерн (Новое и Новейшее время), несмотря на

¹ Антипрививочное движение. – *Роспотребнадзор*. Доступ: <https://cgon.rosпотребнадzor.ru/naseleniyu/vaktsinatsiya/dopolnitelnaya-informatsiya-o-vaktsinatsii/antiprivivochnoe-dvizhenie/> (проверено 05.01.2026).

кардинальные перемены во множестве сфер, так и не смог преодолеть конспирологию, продемонстрировав пределы своей рациональности.

Академические исследования по теориям заговора начались в США в середине XX в., в Европе — к концу XX в. [Яблоков 2020: 31]. В 1964 г. в США было опубликовано эссе американского историка Р. Хофстедтера «Параноидальный стиль в американской политике», ставшее классическим трудом по конспирологии. Кстати, в нем Хофстедтер анализирует крайне правых республиканцев [Hofstadter 1964; 1967]. В первой четверти XXI в. за рубежом конспирология превратилась в «нормальный» исследовательский объект, о чем свидетельствует появление обобщающих и справочных трудов в солидных академических издательствах [Harambam 2020; Routledge Handbook... 2020; Social Psychology... 2019], а также исследование актуальных политических трендов в контексте конспирологии [Pirro, Taggart 2023]. В российских обществоведческих исследованиях, несмотря на растущую актуальность проблемы, конспирология как предмет анализа сегодня занимает периферийное положение. В то же время очевиден междисциплинарный характер научно-конспирологического дискурса. Эта проблема и смежные феномены привлекают внимание историков [Шнирельман 2022], психологов [Михеев, Нестик 2021; Мягков и др. 2021; Пищик, Постникова 2026], антропологов [Панченко 2015], социологов [Чугров 2017; Хохлов 2020]. Политологические исследования немногочисленны [Яблоков 2013; Ширяков 2015; Артеев 2022]. Кроме того, поступают тревожные сигналы, что в отдельных академических журналах начинают появляться статьи откровенно конспирологического характера¹.

В целом, за рубежом теоретическое осмысление феномена конспирологии и его влияния на политическую сферу продвинулось значительно дальше. Российские исследования пока существенно отстают как по охвату эмпирического материала, так и по глубине анализа, степень проблематизации — недостаточная. И причины этого кроются как во внутриакадемических процессах, так и в серьезных внеакадемических факторах.

Теоретико-методологическая база исследования феномена конспирологии разнородна и не образует стандартный комплекс. В целом обращает на себя внимание большая междисциплинарность по сравнению с изучением предметных полей других политических явлений и процессов. Особенно значительные перспективы исследования конспирологического дискурса открываются на фоне развития технологий *big data*.

Конспирологические предпосылки

Предпосылки, которые привели к конспирологизации мирового политического поля, можно поделить на несколько взаимно перекрывающихся кластеров.

Психологический кластер: «выживи и оставь след». Эволюционно-психологический атавизм: в древние времена, когда человек был куда более зависим от сил природы и уязвим, больше шансов на выживание имели те, кто реагировал на нейтральные раздражители как на опасный сигнал. Например, шорох в кустах интерпретировался как приближение хищника, а значит, надо было убежать (особенно вне ситуации охоты и при отсутствии рядом других людей). Такой механизм исключал анализ ситуации, но повышал шансы на выживание и потому крепко встроился в человеческую популяцию. При

¹ «Оказался в дураках»: депутат Ананских заявил, что не писал статью о рептилоидах. 18.12.2023. — *Газета.ru*. Доступ: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/12/18/21953713.shtml?ysclid=m0tolp2yum35632510> (проверено 05.01.2026).

срабатывании применительно к политическим событиям этот психологический атавизм вместо стадии бегства приводит к ошибочному выводу о злонамеренном характере происшедшего. Затем происходит конструирование мыслительных схем под идею: «что же происходит на самом деле». Помимо эволюционно-психологического атавизма, в человеческой природе присутствуют два связанных свойства — желание быть оригинальным и стремление найти ошибку у других. Конспирология предоставляет для удовлетворения этих потребностей множество возможностей. Зачем верить в официальное объяснение и быть похожим на миллионы других людей, если можно предложить свою интерпретацию и к тому же показать, насколько новости не соответствуют реальности?

Культурологический кластер: «истина где-то рядом». «Мягкая сила» США во многом опирается на Голливуд и ведущие телевизионные медиакорпорации. В то же время США — одна из наиболее конспирологически нагруженных стран мира. Теории заговора стали частью национальной культуры США, ее мощным пластом, у которого оказался хороший экспортный потенциал. Многочисленные фильмы и телесериалы (наиболее яркий пример — «Секретные материалы», телеканал *Fox*, 1993–2018), имевшие огромный успех у зрителей по всему миру, также сделали теории заговора частью повседневности в виде популярных музыкальных тем, слоганов и фраз персонажей. Конспирологический жанр в искусстве стал значимым культурологическим феноменом, прочно обосновался в художественной литературе, кино и на телевидении во многих странах. Интерес зрителей к этому может быть объяснен желанием прикоснуться к неведомому, тому, что позволяет отвлечься от рутины. При этом интересно, что в России интерес к таким произведениям одинаково высок и в периоды потепления российско-американских отношений (1990-е — начало нулевых годов), и в периоды охлаждения и очевидной конфронтации (2010–2020-е гг.).

Политический кластер: «мы не хотим быть просто зрителями». Идеи мыслителей прошлого о прозрачной, честной политике, в которой политические деятели руководствуются интересами общества и этикой, так и остались утопией. Политика по-прежнему вне зависимости от типа политического режима носит более-менее закрытый характер. И метафора «черного ящика» вполне релевантна. Ключевые решения принимаются за закрытыми дверями, формат тет-а-тет на саммитах силен как никогда, а загадочные «источники» в высших эшелонах власти стали неотъемлемой частью работы СМИ. Регулярные утечки чувствительной информации обличительного свойства (*Wikileaks*, многочисленные публикации журналистов-расследователей по всему миру) подтверждают, что между публичной политической активностью и политической кухней слишком большая разница. А значит, есть основания думать, «что все не то, чем кажется». Между тем чаще всего разоблачения касаются банальной коррумпированности и некомпетентности политических элит, но это не мешает конспирологам находить сомнительные скрытые смыслы.

Экспертный кластер: наука и массмедиа. Стремление человека сформировать в своем сознании понятную непротиворечивую картину мира является базовой потребностью. Вместо хаоса нам нужен порядок в виде объяснительной модели, осознаваемой или не скрытой. В то же время современный мир стал очень сложным, а эволюция человека давно завершена, и природа не готовила нас к столь сложной среде. Помимо этого, развитие науки происходит настолько быстро, что в силу объективных психофизиологических и других ограничений большинство людей не в состоянии сформировать глу-

бокие познания хотя бы по нескольким направлениям. В результате сегодня люди делегируют экспертам в соответствующих областях формирование своего отношения ко многим ключевым вопросам жизни. Экспертное мнение стало ординарным явлением в СМИ. Таким образом, массмедиа выглядят более убедительными, а эксперты получают возможность выступить перед широкой аудиторией и заработать социальный капитал, стать лидерами мнений, в некоторых случаях — неплохо заработать в финансовом отношении. Однако далеко не все эксперты действуют в интересах общества. Обыватель не в курсе научных дискуссий и чаще ориентируется на формальные регалии экспертов, их умение объяснять сложные вещи доходчиво, что не всегда говорит о качестве экспертизы. В результате нередко благодаря привлечению экспертов в обществе укореняются откровенно ложные идеи.

Мир-политический кластер: «где найти опору в трудные времена?». Общая международно-политическая турбулентность в первой половине 2020-х гг. ощущается как никогда после завершения «холодной войны». Традиционная теоретическая схема осмысления международных отношений через системы (Вестфальскую, Венскую, Версальско-Вашингтонскую, Ялтинско-Потсдамскую) не работает уже больше 30 лет. Контуры будущего мироустройства просматриваются, предлагается множество прогнозов и интерпретаций, но ни один из подходов пока не принимается в качестве основной значительной частью академического сообщества и политических элит. Запад перестал быть безусловным ориентиром для остального мира, глубокие разрывы охватили общества некогда самого благополучного региона планеты. Однако и новые центры силы встречаются с трудными вызовами, и не похоже, что они знают, чем ответить. В отличие от XX в., сегодня нет таких однозначно привлекательных социально-политических моделей, которые могли бы стать надежными ориентиром. В результате особую популярность приобрели теории заговора о «новом мировом порядке», сулящем человечеству неисчислимые бедствия. В отличие от академического дискурса, в этих конспирологических теориях все четко и понятно.

Все эти предпосылки сами по себе не порождают теории заговора, но в совокупности они формируют конспирологически дружелюбную среду.

Список литературы

Артеев С.П. 2022. Пандемия COVID-19: конспирология и антиконспирология. — *Власть*. Т. 30. № 1. С. 58-63. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8781>.

Бабич Н.С. 2021. К вопросу о точной формулировке «Теоремы Томаса». — *Общество: Социология, психология, педагогика*. № 11. С. 42-47. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.11.5>.

Бразертон Р. 2021. *Недоверчивые умы. Чем нас привлекают теории заговоров*. М.: Альпина нон-фикшн. 352 с.

Михеев Е.А., Нестик Т.А. 2021. Психологические механизмы инфодемии и отношение личности к дезинформации о COVID-19 в социальных сетях. — *Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология*. № 1. С. 37-64.

Мягков М.Г., Кубрак Т.А., Латынов В.В., Мундриевская Ю.О. 2021. Пандемия COVID-19 и конспирологические убеждения: психологические предпосылки, последствия, возможности коррекции. — *Вестник Томского государственного университета*. № 467. С. 156-163.

Панченко А.А. 2015. Антропология и конспирология. — *Антропологический форум*. № 27. С. 89-94.

Пищик В.И., Постникова М.И. 2026. *Психологические исследования конспиративистской ментальности. В заговоре против себя и мира*. М.: ИНФРА-М. 136 с.

Хаустов Д.С. 2014. Теорема Томаса: жизнь одной идеи. — *Идеи и идеалы*. № 3. С. 38–45.

Хохлов А.А. 2020. Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание. — *Вестник РГГУ*. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. № 1. С. 96–104.

Чугров С.В. 2017. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 42–59.

Ширяков Д.В. 2015. Конспирология как элемент политического дискурса Российской Федерации: особенности генезиса и развития. — *Политика и общество*. № 12. С. 1627–1632.

Шнирельман В.А. 2022. *Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии*. М.; СПб: Нестор-История. 424 с.

Яблоков И.А. 2013. Теории заговора в современных политических идеологиях России и США: насколько маргинален язык конспирологии? — *Политическая наука*. № 4. С. 175–191.

Яблоков И.А. 2020. *Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве*. М.: Альпина нон-фикшн. 430 с.

Bartlett J., Miller C. 2010. *The Power of Unreason*. Demos. 53 p.

Harambam J. 2020. *Contemporary Conspiracy Culture. Truth and Knowledge in an Era of Epistemic Instability*. London: Routledge. 254 p.

Hofstadter R. 1964. *The Paranoid Style in American Politics*. Harper's Magazine. November. URL: <https://harpers.org/archive/1964/11/the-paranoid-style-in-american-politics/> (accessed 05.01.2026).

Hofstadter R. 1967. *The Paranoid Style in American Politics, and other essays*. N.Y.: Vintage Books. xiv+314+ xii p.

Pirro A.L., Taggart P. 2023. Populists in Power and Conspiracy Theories. — *Party Politics*. Vol. 29. Is. 3. P. 413–423. <https://doi.org/10.1177/13540688221077071>.

Roisman J. 2006. *The Rhetoric of Conspiracy in Ancient Athens*. Berkeley: University of California Press. xiv+199 p.

Routledge Handbook of Conspiracy Theories (ed. by M. Butter, P. Knight). 2020. London: Routledge. 700 p.

Social Psychology of Gullibility: Fake News, Conspiracy Theories, and Irrational Beliefs (ed. by J.P. Forgas, R.F. Baumeister). 1st ed. 2019. N.Y.: Routledge. 352 p.

ARTEEV Sergey Pavlovich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Research Fellow at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsojuznaja St, Moscow, Russia, 117997; artsp7@yandex.ru)

CONSPIRACY 2.0. CONSPIRACY THEORIES, DIGITALIZATION, AND POLITICAL DEVELOPMENT OF SOCIETY

Part 1

Abstract. The article analyzes the problem of conspiracy theory, its spread and influence on the politics in the context of digitalization. The author dwells in detail on the essence of conspiracy theory, its dangers, and the prerequisites for the emergence and promotion of conspiracy theory narratives. Particular attention is paid to how digitalization has

given conspiracy theories a new status. The author formulates the trends in the development of conspiracy in the era of digitalization. From the point of view of the instrumentalization of conspiracy for political struggle, the case of the 45th/47th US President Donald Trump is analyzed. The author offers recommendations on minimizing the damage caused by conspiracy theories to the social and political development of society.

Keywords: conspiracy theories, Trump, USA, development of society, digitalization, mass media

---

МЯСНИКОВ Артем Игоревич – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; miasnickov.artym@yandex.ru); ORCID: 0009-0001-9836-2039)

ТОРГУД Анастасия Игоревна – преподаватель Международного центра изучения институтов и развития Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Россия, г. Москва, Мясницкая ул., 18); лаборант-исследователь Государственного академического университета гуманитарных наук (119049, Россия, г. Москва, Мароковский пер., 26; anastasiatorgud@yandex.ru); ORCID: 0009-0009-8553-8531)

КТО ТАКОЙ ПОЛИТОЛОГ? СТРУКТУРА СИСТЕМЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ВЕДУЩИХ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается структура бакалаврских программ по политологии в ведущих университетах России и их влияние на формирование профессиональной идентичности выпускников. С применением инструментов тематической кодировки учебных планов бакалаврских программ 7 ведущих по профилю университетов России с последующей их кластеризацией выявлены два доминирующих профиля образовательных траекторий – прикладной и специализированный политологический. Авторы показывают, что различия в институциональной специфике вузов формируют отличающиеся модели подготовки политологов, задавая вариативность профессиональных компетенций на рынке труда.

Ключевые слова: политологическое образование, образовательные программы, профессиональные компетенции, профессиональная идентичность политологов

Исследование подготовлено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (FZNF-2025-0012).

Введение. Принято считать, что институционализация политической науки в России началась с момента создания в 1955 г. профессионального сообщества – Советской ассоциации политической науки. За 70-летнюю историю (в 1991 г. преемницей стала Российская ассоциация политической науки) академическое сообщество политологов сформировало научные школы с уникальными теоретическими и методологическими традициями, исследовательские структуры и научные журналы с международным признанием.